

Царь Петр Алексеевич

Русский бомонд на европейских курортах. XVIII — первая половина XIX в.

Мазин К. А.

к. и. н., доцент ИТиГ (филиал РГУТиС)

В статье основное внимание автора сосредоточено на освоении представителями высшей аристократии и духовной элиты России западноевропейских курортов в XVIII — первой половине XIX в. Анализируются предпочтения россиян тем или иным местам отдыха и лечения, а также выполнение ими тех или иных туристических практик во время пребывания на курортах.

Ключевые слова: курорт, Западная Европа, аристократия России, русские писатели.

The author focuses on Russian nobility and elite discovering the Western Europe health resorts in the 18 th — first half of the 19 th centuries. The article looks into their preferences to one or another place of rest or treatment and their tourist activities during their stay at the resorts.

Key words: health resort, Western Europe, Russian nobility, Russian writers.

С Петровских времен начался процесс освоения русскими людьми европейского пространства. Постепенно они начинают проникать во все большее количество сторон жизни континента, подвергаться основным модным течениям Европы, становиться участниками событий и явлений различ-

ных европейских преобразований. Поэтому не случайно, что возрождение и развитие курортного дела в Европе не обошлось без участия подданных Российской империи.

Вполне естественно, что во главе русского продвижения на европейские курорты оказался сам зачинатель сближения с Европой, великий реформатор Петр I. Знакомство с минеральными водами состоялось у него еще во время «Великого посольства» в 1698 г. в Бадене, который царь посетил повторно в 1708 г. [6, с. 27]. Таким образом, Петр был первым русским, испытавшим целебную силу источников западноевропейских курортов. Курортное дело и в Европе тогда делало только первые шаги, не став еще высокодоходной отраслью экономики. Петр со свойственной ему интуицией угадал и в этой сфере основные тенденции развития. Правда, сделал он это не столько из желания познать все стороны европейской жизни, сколько из-за острой необходимости: резко пошатнулось здоровье будущего императора России. Напряженный и, чего греха таить, очень нездоровый образ жизни царя, тяготы затяжной Северной войны давали о себе знать: после Полтавской битвы у Петра началась цинга, постоянно мучили боли в мочевом и желчном пузырях. Традиционные методы лечения давали только вре-

менное облегчение. Именно поэтому было принято решение о поездке на минеральные воды в Карлсбад (совр. чешские Карловы Вары), славившиеся своими целебными свойствами. Первый раз русский царь прибыл туда 14 сентября 1711 г. [2, с. 2.] и сразу приступил к активному лечению. Оно состояло из двух этапов. Первые 7–10 дней Петр должен был пить минеральную воду, начиная с 15–18 кружек в день, постоянно увеличивая дозу до 30–40 кружек (т.е. примерно от 4,5 до 9 литров в день). На втором этапе первый русский курортник принимал горячие ванны из минеральной воды в течение 2–3 дней [2, с. 2]. Лечение принесло царю значительное облегчение, и когда он покидал Карлсбад, то обещал вернуться, что и сделал через год, 8 сентября 1712 г. Через три дня он извещал супругу: «Мы вчерашнего дня зачали пить воду в сей яме; а как отделаюсь, писать буду. О прочих вестях не спрашивай из этой глуши» [11, с. 203].

На этот раз будущий российский император пробыл на курорте 23 дня [2, с. 21], видимо, окончательно убедившись в эффективности лечения минеральными водами. Следует отметить, что такое длительное время, потраченное на поправку собственного здоровья, было совершенно нетипично для неумной натуры Петра. Неутомимый реформатор явно тяготился тусклой размеренностью курортного времяпрепровождения. Поэтому он активно осматривал достопримечательности Карлсбада, крестьянские фермы, кузницы, много раз посещал токаря и сам работал на станке. Не обошлось и без казусов, которые неоднократно случались с Петром в его зарубежных путешествиях. Во время осмотра монетного двора царь к ужасу саксонских вельмож вскочил на огромный работающий прессовочный молот, приводимый в дей-

ствии гигантским механизмом [2, с. 6].

Здесь же произошел еще один занимательный эпизод, молва о котором передавалась на протяжении двух столетий. О страсти царя к ремеслам знали не только в России, но и за ее пределами. Как-то проходя мимо строившегося дома, Петр услышал в свой адрес слова неодобрения: дескать, русский царь лишь хвалится, что умеет делать все сам, а в действительности навыками строителя не владеет. Эти рассуждения заделали Петра. Недолго думая, он взобрался по лесам на стену, схватил мастеров и целый день работал штукатуром, заслужив похвальный отзыв каменщиков. Два века спустя жители Карлсбада установили на этом доме мемориальную доску с надписью: «С каменщиками Петр Великий работал каменщиком».

Гостиница, в которой останавливался Петр I в Карловых Варах

Во время посещения Карлсбада Петр устроил соревнование в местном стрелковом клубе, выставив в качестве приза победителю бочонок (1000 литров) рейнского вина, подаренный ему германским императором Карлом VI. Но случилось непредвиденное: русский царь, принимавший участие в соревнованиях, сам выиграл свой приз. Однако удовлетворенный победой Петр потребовал повторить состязания. На сей раз приз достался местному жителю, который подарил свою награду родному клубу. На этом

Галерея. Карловы Вары (Карлсбад), Чехия

история не закончилась: бочонок, как ценный сувенир, был продан с аукциона, вырученные деньги положены в банк на счет Стрелкового клуба и через 200 (!) лет полученные проценты позволили приобрести значительный земельный участок [2, с. 12]. Так щедрый подарок русского царя породил поистине многовековые последствия.

С Карлсбадом связан еще один эпизод в жизни царской семьи: сюда перед самыми родами приехала жена царевича Алексея, Шарлотта. Вскоре после родов она умерла, но будущий император, Петр II родился именно на этом курорте 6 октября 1715 г. [11, с. 298].

Второе пребывание на минеральных водах в Карлсбаде было еще более эффективно, и боли, мучившие царя, возобновились лишь в 1716 г. Он снова прибегает к испытанному средству, правда, на сей раз выбирает курорт Пирмонт на севере Германии. Затем после длительного путешествия он почти месяц (с 27 июня по 24 июля 1717 г.) проходил курс лечения в Спа, расположенном на территории современной Бельгии. Чередуя в течение четырех недель кутежи с питьем минеральных вод, Петр и в самом деле почувствовал себя лучше. С тех пор один из старейших целебных источников в центре Спа называется Pouchon-Pierre-le-Grand, т.е. именем Петра Великого [7, с. 25, 26].

Так император России сделал первый шаг в истории пребывания российских под-

данных на зарубежных курортах, очень интересного и, к сожалению, мало изученного пласта российского зарубежья. Но для неумной природы царя-реформатора мало было стать первым «пользователем» западноевропейских курортов. Еще находясь в Пирмонте, он велел Сенату разыскать целебные источники в России. Такое же поручение было дано доктору Г. Шоберу, которого Петр переманил

на русскую службу во время лечения в Карлсбаде [6, с. 27]. Царь не знал, что еще в 1714 г. железистые минеральные воды были найдены во время прокладки дороги из Петербурга в Архангельск в Олонецкой губернии в районе Кончозерска в 50 километрах от Петрозаводска [6, с. 28].

Петру не терпелось испытать действие отечественных минеральных вод на себе, и он в январе 1719 г. отправился вместе с супругой и сановниками на первый в России курорт. А в марте появился указ с перечислением целительных свойств источника. Его воды «изгоняют различные жестокие болезни, а именно цинготную, ипохондрию, желчь, бессильство желудка, рвоту, понос» и еще с десятков недугов. Обрадованный тем, что появился отечественный Карлсбад и Пирмонт, Петр популяризирует марциальные воды, но в то же время велит докторам составить «регулы», как ими пользоваться, «дабы непорядочным употреблением оных не был никто своему здоровью повредитель». В иных случаях царь не останавливался и перед принудительным лечением. Адмиралу Апраксину он писал: «Галерному мастеру французу доктор весьма велел ехать к водам на Олонец, а он не очень хочет, изволь его неволею выслать» [11, с. 204].

Царь побывал на олонецких водах еще три раза в 1720, 1722 и 1723 гг. [11, с. 232–234]. Последний пример показывает, что Петр

пытался у себя в России реализовать то полезное, что находил он в своих многолетних странствиях по европейским странам. Его заграничные путешествия имели огромное значение для постановки и решения российских проблем, для широкоформатных реформ государства.

Сразу после смерти Петра I наблюдается резкий спад в выездах за границу россиян. Устав после бешеного галопа петровских преобразований, страна «отлеживалась на печи», копя силы и размышляя над произошедшим в эпоху Петра.

Все исследователи, кто сталкивался с этой проблемой, отмечали, что спад русского пребывания за границей относится к 30–50-м гг. XVIII в. [3, с. 14]. Например, свидетельства зарубежных путешествий россиян — путевые заметки, которых дошло до нас более семидесяти, в подавляющем большинстве относятся к началу или к завершающей стадии этого столетия [14, с. 96]. Не баловали примером «державного туризма» и правившие в то время императрицы. А для подданных абсолютной монархии это было очень важно. Однако семена, посеянные Петром I, не могли не дать всходов, хотя и не очень многочисленных. Сказался и багаж европейского опыта, полученного тысячами россиян.

Поэтому не совсем приостановилось посещение заграничных курортов подданными Российской империи. Мы знаем, например, о лечении в Карлсбаде князя Б. П. Куракина в 1726 г. и графа Бестужева-Рюмина в 1748 г. [2, с. 27]. Но оба они были на дипломатической службе, что во многом объясняет их присутствие на европейском курорте.

А вот в России после смерти Петра I первый российский курорт быстро захирел, причиной чему стали извечные русские беды: плохие дороги, удаленность от Петербурга и нерадение местного начальства. Между тем мода на употребление минеральных вод для лечения различных заболеваний возобновилась в правление Елизаветы Петровны. При ее дворе был даже специальный медик, разъезжавший по Европе и по-

купавший минеральную воду в основном в германских государствах, что приносило немалый ущерб казне. Елизавета пыталась разузнать об отечественных минеральных источниках, но врачи-иностранцы, наживающие большие барыши на поставках минеральной воды в Россию, всячески затягивали дело [6, с. 32].

Оживление в плане посещения границы наступило после указа 18 февраля 1762 г. Петра III «О вольности дворянства» в период правления его супруги, императрицы Екатерины II. Теперь у русских дворян было много времени для досуга, а самое главное, новое поколение привилегированных слоев общества обладало большей образованностью, что в значительной степени делало их более подготовленными к путешествию в Европу, а последнюю более привлекательной для ознакомления. Хотя Екатерина II и не показывала личного примера дальних заграничных путешествий (в ее положении иностранки на русском престоле это могло быть превратно истолковано), но в ближайшее зарубежье она выезжала: после посещения ею в 1772 г. водопада Иатра в истоках реки Вуоксы эта уникальная местность Финляндии стала модной среди петербургской публики [16, с. 2].

Активизировалась курортная жизнь дворянского бомонда России. В Спа, овеянном пребыванием Петра I, мы видим и княгиню Е. Р. Дашкову, и баронессу Н. Строганову, и графиню Салтыкову [3, с. 16], и Н. А. Демидова с супругой, которой врачи настоятельно рекомендовали пройти курс лечения на этом курорте [14, с. 22]. Не был забыт и другой, связанный с именем царя-реформатора курорт — Карлсбад. Появление здесь отдыхающих из России всегда вызывало оживление, так как русские тратили намного больше, чем представители других стран. Особо радовал местных жителей граф А. Г. Орлов-Чесменский. Впервые он посетил курорт в 1768 г., через десять лет повторил свой визит, а затем бывал здесь много раз. Каждый приезд графа существенно повышал доходы предпринимателей и об-

служивающего персонала Карлсбада. Вот, например, как проходило торжество в честь тезоименитства Павла I в 1798 г. 10 июля состоялось состязание членов Стрелкового клуба, затем был дан парадный обед, плавно перешедший в бал до глубокой ночи. 11 июля участники праздника после банкета опять попали на бал, завершившийся ужином на несколько сот человек на фоне иллюминации в 6000 фонарей. Под конец организатор торжества выкатил для всех желающих три бочки пива и пять ведер вина. А в заключение, видимо, для изрядно уставших гостей была представлена комедия [2, с. 28].

Политические события конца XVIII — начала XIX в. — Великая Французская революция и последовавшие за ней войны общеевропейского масштаба — заметно снизили то небольшое количество курортников, которые использовали минеральную воду для лечения (например, количество посещений в Карлсбаде в 1770 г. было всего 284 [19]). Русское курортное знакомство с Европой вообще прекратилось с приходом к власти императора Павла I, который не только запретил выезд за границу, но даже импорт из-за рубежа книг и нот.

Только опомнившись от ужаса наполеоновских войн, аристократическая Россия вновь устремляется на европейские курорты, тем более, что император Александр I сам показал пример нескончаемых путешествий. Хотя русский самодержец не прибегал к лечению минеральными водами, члены императорской фамилии неоднократно искали помощи для поправки здоровья именно таким способом.

Напомним, что посещение какого-либо курорта венценосными особами придавало особую значимость данному туристическому объекту и указывало вектор движения представителям как Петербургского света, так и вообще подданным Российской империи. Не удивительно поэтому, что снова обрел популярность Карлсбад, освященный двукратным пребыванием здесь Петра I. Да и в XIX в. члены царской фамилии не обошли его своим вниманием. В 1818 г. здесь от-

дыхала великая княгиня Анна Федоровна, жена тогда еще цесаревича Константина Павловича, не сумевшего дать ей семейного счастья, отчего она навсегда покинула Россию, и еще не раз будет искать утешения на различных курортах. В 1819 г. брат ее мужа, великий князь Михаил Павлович, посетил Карлсбад и прошел полный курс лечения после тяжелой болезни [5, с. 296]. Затем он повторит посещение этого курорта в 1822 и 1855 гг.

Карлсбад развивался, и хотя не очень быстро, но достаточно поступательно, увеличив посещаемость с 1334 гостей в 1811 г. до почти 15 000 в середине XIX в. [17, с. 45]. С 1843 г. начинается распространение вод карлсбадских источников в бутылках, а затем так называемых карлсбадских пастилок. В небольших количествах они поступают и в Россию. Для образованных людей того времени минеральная вода из Карлсбада стала неким нарицательным символом. «Невыездной» А. С. Пушкин писал в 1828 г. своему другу Н. Д. Киселеву:

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
Но север забывать грешно,

Так слушай: поспешай карлсбадскую
пить воду,

Чтоб с нами снова пить вино.

Кроме Киселева в Карлсбаде можно встретить и других представителей русской общественной и литературной элиты. В 1824 г. его посещает Н. И. Тургенев, знаменитый «декабрист без декабря», который не вернулся в Россию после возбуждения по отношению к нему дела о восстании 14 декабря 1825 г. Здесь он встречает своего товарища-декабриста полковника М. Ф. Митькова, который, получив отпуск по болезни, проходил курс лечения минеральными водами. Интересно, что после этого друзья переедут в Мариенбад (еще одно курортное местечко, речь о котором впереди), где встретятся и будут довольно часто общаться с крупным сановником Д. Н. Блудовым. Как пишет по этому поводу исследователь политической эмиграции В. Я. Гросул: «Интересная сложилась ситуация. Два декабриста и будущий член

Следственной комис-
сии по делу декабристов
вместе проводят время,
ничего не подозревая
о том, что произойдет
всего лишь через год
с небольшим» [5, с. 393].
Вот такие случались
курортные истории...
Через год, летом 1825 г.,
Тургенев снова посетит
Карлсбад, но собесед-
ником его на этот раз
окажется П. Я. Чаадаев
[5, с. 186].

Панорама курорта Марианские Лазни. Чехия

В 1831 г. семинедель-
ный курс лечения карл-
сбадскими водами про-
ходит видный славяно-
фил А. И. Кошелев. По его словам, лечение
оказалось животворным, и он почувствовал
себя почти совершенно здоровым [5, с. 286].
Для закрепления успеха Кошелев повтор-
но посетил Карлсбад в следующем, 1832 г.
[5, с. 196]. В 1837 г. на этом курорте лечился
Н. В. Станкевич, основатель кружка, из ко-
торого вышли многие выдающиеся деятели
русской науки и просвещения. Карлсбад-
ская вода ненадолго вызвала прилив энер-
гии, он даже вернулся к занятиям филосо-
фией в Берлине, но затем последовало ухуд-
шение, воды уже не помогали, как и мягкий
климат Италии, где Станкевич скончался
в 1840 г. [5, с. 198].

В 1841 г. мы видим в Карлсбаде Н. П. Ога-
рева [5, с. 525]; в 1843 г. — знаменитого рус-
ского историка С. М. Соловьева [5, с. 219];
в 1853 г. — известного русского поэта
П. А. Вяземского. Последний, выйдя в 1858 г.
в отставку, большую часть жизни проводит
за рубежом, отдавая должное и европейским
курортам, и даже закончит свой жизненный
путь на знаменитом курорте Баден-Баден
в 1878 г. [12, с. 74].

Другим популярным для русской ари-
стократии курортом в австрийской Богемии
был Мариенбад (совр. Чешские Марианские
Лазни), небольшой городок с умеренным

горным климатом. Местные воды считались
менее сильными, чем карлсбадские, и по-
могали в преодолении чрезмерной тучности,
климанских расстройств, а начавшие при-
меняться как раз в это время грязевые ванны
(из мариенбадской торфяной грязи) давали
хороший эффект при лечении хронического
ревматизма, параличе, а также при нервных
заболеваниях [19], что особенно привлекало
представительниц российского бомонда,
считавших именно такие осложнения свое-
го организма наиболее приличествующими
аристократии.

Сказалось и «освящение» Мариенбада
венценосным курортником — в 1819 г. здесь
лечился великий князь Михаил Павлович
[5, с. 296]. К середине века число ежегодных
посещений в нем лишь перевалило за 10 000.
Но какими фамилиями украшен список по-
сетителей того времени: Барклай-де-Толли,
Воронцовы, Гагарины, Долгорукие, Кураки-
ны, Меньшиковы, Мусины-Пушкины, Тру-
бецкие, Сперанские и т. д. и т. п. Не обошли
Мариенбад и деятели литературы и искус-
ства. Орест Кипренский написал здесь два
лучших портрета Гете [17, с. 50], русский поэт
Н. М. Языков в 1837 г. лечился здесь от болез-
ни спинного мозга и именно на этом курор-
те познакомился с Гоголем [19]. Кроме того,

Отдых на водах. Европа, XIX в.

курс лечения проходили здесь Карамзин, Тютчев, Вяземский, Жуковский, братья Тургеневы и многие другие. Количество отдыхающих из России стало так велико, что уже в 1825 г. один из князей Голицыных предложил местной администрации 25 тысяч рублей на возведение православного храма. Но австрийские власти всегда подозрительно относились к любому проявлению православия на их земле. Поэтому на месте, предназначенном для строительства, началась постройка католического костела [17, с. 50].

Однако самым изысканным и аристократическим курортом в первой половине XIX в. стал маленький, затерянный среди гор и лесов, ничем не примечательный в плане сколько-нибудь важных политических событий, насчитывающий всего 2000 жителей город Эмс, или правильнее Бад Эмс в прусской провинции Гессен-Нассау. Конечно, в этом обстоятельстве огромную роль сыграло качество местных минеральных вод, считавшихся одними из самых лучших в Европе. Однако климатические условия Эмса недостаточно благоприятны — резкие суточные колебания температуры, даже летом, частые туманы весной и осенью несколько снижали привлекательность курорта. Несмотря на это, короли и шейхи, цари

и императоры, министры и послы, князья и герцоги, бароны и графы, маршалы и адмиралы, писатели и поэты, художники и музыканты на кораблях и каретах, а позднее на пароходах и железной дороге добирались до Эмса не только, чтобы пройти курс лечения, но и отдохнуть в этом маленьком уютном, с улицами, утопленными в зелени, прусском городке [9, с. 5]. Здесь нет казино с его игровыми страстями, а отборная публика не будет докучать назойливым вниманием,

кроме того, отсутствуют и представители центральной власти Пруссии, а значит, нет протокольных обязанностей, столь тягостных во время отдыха.

Для русских курортников выбор был абсолютно детерминирован в 30-летнее правление Николая I. Пруссия, с его жеманностью на дочери прусского короля, стала для царя вторым родным домом, а следовательно, и прусские курорты были наиболее предпочтительны. Поэтому вслед за императорской четой, побывавшей в Эмсе еще в 1821 г., до восшествия на престол, а потом в 1828 и 1840 гг., сюда устремились носители знатнейших фамилий России, не столько увлекшись идеей могучего оздоровительного эффекта (что было тоже немаловажно), столько мечтающих пить ту же минеральную воду, что и их Императорские Величества.

Николай I и его супруга были далеко не единственными представителями дома Романовых, удостоивших своим присутствием Эмс. В 1819 г. здесь побывал цесаревич Константин Павлович; в 1820 г. — вдовствующая императрица Мария Федоровна; в 1819, 1823, 1826 гг. Эмс посещала герцогиня Саксен-Веймарская великая княгиня Мария Павловна, а в 1840 г. вместе с матерью водами этого курорта будут пользоваться

ся ее дочери Мария Николаевна и Ольга Николаевна. Абсолютный рекорд по посещению Эмса поставил император Александр II — еще великим князем он трижды пройдет курс лечения в 1838, 1839 и 1840 гг., а, вступив на престол, еще пять раз станет в Эмсе главным венценосным курортником [9, с. 474–546]. Такое постоянное имперское «освящение» курорта, естественно, будет все время подогревать интерес к нему русской, да и не только русской аристократии.

Эмские воды не зря ценились в Европе, где был большой выбор минеральных источников. Они особенно эффективно помогали при катарактах дыхательных путей, болезнях пищеварительного тракта, болезнях печени, хроническом ревматизме, подагре, в лечении нервных и так называемых «женских» болезней. Нет смысла в перечислении аристократических фамилий, представители которых были завсегдатаями Эмса, тогда пришлось бы переписать весь гербовник императорской России. Особенно «бронзовел» список посетителей курорта в дни визитов туда членов царской фамилии. Это хорошо видно на примере 1838–1840 гг., когда подобные визиты совершались ежегодно. Одно только то, что в эти годы, кроме десятков представителей высшей знати, одновременно лечились в Эмсе действующий глава III отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии А. Х. Бенкендорф и два его преемника — граф А. Ф. Орлов и князь В. А. Долгоруков. Однако кроме сановников и аристократов поражает и список эмских курортников — представителей духовной элиты России. В эти годы на улицах Эмса можно было встретить известных мореплавателей, исследователей Арктики Ф. П. Врангеля и Ф. П. Литке, будущего адмирала, героя обороны Севастополя П. С. Нахимова, известного художника Е. Р. Рейтерна, литераторов И. С. Тургенева, Н. В. Станкевича, А. К. Толстого, В. А. Жуковского [9, с. 65, 83, 91, 146, 210, 217]. Кстати, последнего очень многое связывало с Эмсом. Во-первых, он абсолютный чемпион по визитам на этот курорт: Жуковский посетил

Эмс девять раз — в 1826, 1827, 1832, 1833, 1838, 1840, 1843, 1847, 1848 гг. [9, с. 9]. Во-вторых, именно здесь он подал прошение об отставке находившемуся на отдыхе Николаю I и получил положительный ответ. «Государь, — писал в прошении Жуковский, — я хочу испытать семейного счастья, хочу кончить свою одинокую, ни к чему не присвоенную жизнь» [9, с. 12]. В 1841 г. 58-летний поэт обвенчался с восемнадцатилетней Елизаветой фон Рейтерн, дочерью друга-художника, с которым он и познакомился в Эмсе в 1826 г. [9, с. 12]. Но ожидаемого счастья Жуковский не получил — уже через семь месяцев его юную супругу поразит душевный недуг, и остаток жизни поэт посвятит попыткам ее излечения водами Эмса и других курортов. Даже кончина этого неисправимого романтика, как в литературе, так и в жизни, неутомимого курортника, будет символична. Потому что умрет Жуковский в апреле 1852 г. в курортном городе Баден-Бадене.

Кроме Эмса Пруссия давала выбор в несколько десятков разного рода Бадов, где также неоднократно звучала русская речь. Одним из наиболее популярных был Висбаден, главный город одноименного округа прусской провинции Гессен-Нассау, в 5 километрах от Рейна, на юго-западных отрогах Таунуса, в живописной котловине. Еще одним его преимуществом было близкое расположение торгового и промышленного центра — Франкфурта-на-Майне. В отличие от Эмса Висбаден не только более значителен по размерам, но и обладал более древней и насыщенной событиями историей. О нем упоминают уже Тацит и Плиний, а многочисленные найденные здесь римские надписи, остатки терм и т. д. свидетельствуют, что римляне не только знали о местных лечебных источниках, но и пользовались ими. Кроме того, в городе имелись богатый музей древностей, естественно-исторический музей, огромная (250 000 томов) библиотека, картинная галерея, театр, много выдающихся архитектурных памятников. Очень живописны окрестности курорта. В 7–8 километрах от Висбадена на лесистом возвышении

расположен охотничий замок «Платте», принадлежащий герцогу Нассаускому, с которого, точно так же как с так называемой «Hohe Wurzel», открывается ошеломляющий вид на рейнскую и майнскую долины. Целебные воды Висбадена, употребляемые внутрь и в виде ванн, помогали от стандартного для немецких курортов списка заболеваний [19]. Висбаден был популярен у творческих людей Европы — здесь неоднократноправляли здоровье Гете, Вагнер, Мендельсон, Бальзак. С 40-х гг. XIX в. его открывает и русская публика, причем в значительном количестве [12, с. 81]. Достаточно вспомнить, что действие знаменитой повести И. С. Тургенева «Вешние воды» происходит как раз в Висбадене.

Еще одним прусским курортом, куда заглядывали русские, был Ахен (или Аахен), окружной город Рейнской провинции, который кроме того привлекал туристов своей древней историей. Основанный еще римлянами в связи с обнаружением здесь минеральных источников, Ахен неоднократно являлся столицей франкских королей. Именно здесь в соборе, центральная капелла которого построена в конце VIII в., покоится прах Карла Великого, основателя династии Каролингов. Рядом с усыпальницей хранятся великие христианские реликвии: исподнее платье Девы Марии, пелены Младенца Христа, пояс, который носил Христос во время распятия, а также покрывало, на котором был обезглавлен Иоанн Креститель. Здесь были миропомазаны 35 германских королей и 14 королей. А в зале ратуши Ахена короновались 85 императоров и 11 императриц Священной Римской империи [19].

Однако постепенно на первое место по популярности у русской публики выходит знаменитый Баден-Баден, расположенный в западной части прусских земель. Этому способствовало много обстоятельств. Во-первых, курорт, основанный еще римлянами и названный в честь императора Аврелия Александра Севера, был известен с древности своими горячим ключами с температурой в разное время года 44–67 гра-

дусов Цельсия. Они довольно многочисленны (более 20) и ежедневно дают около 800 000 литров воды, что позволяет большому количеству отдыхающих не только пить воду, но и принимать ванны. Баденские минеральные воды особенно эффективны в лечении болезней брюшной полости, нарушения месячных циклов, золотухи, застарелых ревматизмов и подагры, кожных заболеваний, расстройства почек, хронических катаров и проч.

Во-вторых, популярности курорта способствовала, как ни странно, Великая Французская революция. Находясь в непосредственной близости от границы Франции, Баден-Баден в конце XVIII в. принял множество эмигрантов из этой страны, которые по достоинству оценили целительные свойства местной минеральной воды. Получив значительные дополнительные финансовые вложения, баденское правительство, начиная с 1804 г., не жалело никаких средств для поддержания растущей известности курорта. Если в 1802 г. в Баден-Бадене было всего 300 гостей, то в 1815 г. (что показательно еще и в связи с окончанием наполеоновских войн) — уже 2460, через год — 3620, а в 1825 г. — 8364. В дальнейшем эта цифра будет увеличиваться, достигнув количества в 50 тысяч ежегодных посещений в период расцвета курорта в XIX в. [12, с. 28].

Первым зарегистрированным в Баден-Бадене на длительный срок подданным Российской империи стал генерал Чичерин. Он зарекомендовал себя потрясающим потребителем баденских вин швардсвальских шнапсов: за четыре недели пребывания на курорте в 1813 г. русский военачальник сумел выпить вышеуказанных напитков на сумму 527 гульденов 21 крейцер [12, с. 28]. К примеру, баденский поденщик за летний сезон при 12-ти часовом рабочем дне мог заработать максимум 30 крейцеров. Но самое главное, что счет на оказанные услуги россиянин оставил неоплаченным [12, с. 119], что вряд ли могло добавить теплых чувств у баденцев к потенциальным курортникам из России.

Однако дело было вскоре исправлено. В 1814 г. Баден-Баден посетила императорская чета — Александр I и Елизавета Алексеевна. В 1818 г. состоялось повторное посещение курорта, во время которого съехалось уже большее количество венценосных особ. Сначала императрица Елизавета Алексеевна вместе с матерью приехала сюда навестить проходившего курс лечения отца, прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Затем прибыли вдовствующая императрица Мария Федоровна вместе с королевой Вунтембергской великой княгиней Екатериной Павловной. А после окончания конгресса Священного союза в Ахене на несколько дней заглянул и сам правитель России, Александр I. Такое имперское «освящение» курорта дало огромный резонанс: 100 лет после этого визита первых лиц государства подданные русского царя одним из мотивов поездок в Баден-Баден называли пребывание здесь представителей дома Романовых. Тем более, что они и дальше не оставят своим вниманием это курортное местечко. Например, будущий Александр II с супругой посетят Баден-Баден 16 сентября 1847 г. [12, с. 113].

Сезон в этом курорте продолжался довольно длительное для Европы время — с 1 мая по 1 октября. Кроме того, Баден-Баден славился как одно из самых романтических мест Германии, да и всего европейского континента. Великолепная природа, чистый воздух, потрясающий вид руин Старого замка, служащий эффектной кулисой для раскинувшегося у подножия гор города. «Знаменитые скалы» — так назвал их герой тургеневского «Дыма» [12, с. 29]. Активно развивалась и инфраструктура курорта. Помимо различных купален, ванн и других учреждений в 1824 г. был построен просторный курхауз с великолепными столовыми, концертным и бальным залами, ставший сборным пунктом для баденских гостей. Его окружают аллеи и сады, к которым вела специально построенная в 1839–1842 гг. галерея, украшенная фресками по мотивам шварцвальдских легенд

[19]. Но не экология, не красота окружающего вида, и даже не целебные свойства местной минеральной воды составили главную славу Баден-Бадена, и не они дали ему многомиллионную прибыль. Подлинный расцвет курорта начался вместе с открытием казино.

В 1832 г. правительственные власти закрыли игровые залы в Париже — грех было не воспользоваться таким случаем: более либеральные по отношению к игорным заведениям законы немецких земель давали неоценимые преимущества. Открытие казино переместило мировую столицу азарта из Парижа в Баден-Баден. Оно приносило городу огромную прибыль: кроме ежегодной арендной платы в очень большую по тем временам сумму — 500 000 флоринов, владелец казино по контракту расходовал такую же сумму на украшения «променад», концерты и другие увеселения. Кто только не становился жертвой игорного порока в баденском игорном доме. Достаточно вспомнить замечательного русского поэта П. А. Вяземского. Впервые он попал в Баден-Баден в декабре 1840 г. с целью заглушить горе от утраты 18-летней дочери. Глушил поэт свою печаль за игровым столом. Позже, в 50-е гг. XIX в. он был назначен поверенным русской миссии при баденском дворе в Карлсруэ. Впрочем, дипломат больше времени проводил в игровых залах, чем в миссии, и был отозван со своего поста [12, с. 74]. Подвержены тлетворной страсти оказались и коренные жители Баден-Бадена, поэтому власти в 1838 г. запретили местным крестьянам и горожанам посещать казино [12, с. 29].

Русские игроки как всегда выделялись масштабом своего азарта, оставляя в баденском казино миллионные проигрыши. Но даже среди них выделялся надворный советник, богач Н. М. Смирнов, который, чтобы давать выход своей страсти, просто переселялся в Баден-Баден. Его «рабочие» дни были похожи как две капли воды: с 12 до 17 часов — казино; затем обед, во время которого он подсчитывал сколько раз по-

ставить на красное или черное; с 19 до 24 часов, т. е. до закрытия, — снова рулетка. Естественно, что такого заядлого игрока кроме игры ничего не интересовало, даже собственная жена. Это было странно, так как женой его являлась Александра Осиповна Россет-Смирнова, красавица, литературно одаренная женщина, в любви к которой признавались лучшие умы того времени: Пушкин, Жуковский, Вяземский, Гоголь, Аксаков и др. Именно ей М. Ю. Лермонтов посвятил стихотворение, заканчивающееся знаменитым четверостишием:

Что делать? — речью безыскусной
Вам ум занять мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

Николай I, обращаясь к Александре Осиповне, бывшей некоторое время фрейлиной его жены, заметил однажды: «Я начал царствовать над Россией незадолго перед тем, как вы начали царствовать над русскими поэтами» [9, с. 58].

Не случайно поэтому, что именно вокруг этой незаурядной женщины с 1835 г. проживающей в Баден-Бадене, сложился некий литературный салон, в котором можно было встретить не только литераторов, но и других интеллектуалов русской общины Баден-Бадена. Община эта постепенно выходит на первое место по численности [12, с. 49], а город, где пребывает хозяйка салона, назовет «первым отечеством русских в Германии» [12, с. 109].

Притягательность салона Россет-Смирновой почувствует на себе Гоголь, который в 1836 г. планировал на три дня задержаться в Баден-Бадене по пути в Швейцарию, но, пленившись внезапным духовным родством с этой незаурядной женщиной, пробудет здесь четыре недели. В 1837 г. Гоголь уже читает в салоне отрывки из «Мертвых душ». До 1846 г. классик русской литературы систематически посещал Баден-Баден, сделав его местом постоянных переговоров с Августом Левалем, издателем печатавшего его журнала «Европа». Кроме того Николая Васильевича привлекали и здешние минеральные

воды, помогавшие справиться, пардон, с его извечным геморроем [12, с. 105].

С Баден-Баденом связано имя и другого известного русского литератора — В. А. Жуковского. Он попал сюда одним из первых в 1826 г. Здесь он, спасаясь от европейской революции, пробудет с октября 1848 г. по апрель 1849 г., что позволит ему завершить «Одиссею». Из этого города он снова сбежит, страшась уже местных революционных страстей, но вернется буквально через несколько недель и проведет здесь остаток жизни. Именно в Баден-Бадене Жуковский в 1852 г. застанет весть о смерти Гоголя, и на этом курорте в том же году уйдет, как мы писали выше, из жизни и сам поэт [12, с. 102].

Усиленное внимание русских к прусским курортам не могло ограничиваться лишь лечением минеральными водами. Постепенно начинается приобретение здесь подданными царя недвижимости. Примером в этом плане может служить небольшой городок Гомбург в прусской провинции Гессен-Нассау, открытый русскими курортниками в середине 30-х гг. В 1840 г. интерес к курорту резко возрос из-за открывшегося здесь казино. Прибывшей сюда в 1842 г. графине Софье Киселевой (жене известного министра) Гомбург так понравился, что она приступила к постройке здесь сразу четырех загородных домов. С тех пор эту эксцентричную особу, из-за болезни прикованную к инвалидной коляске, можно было каждый вечер видеть в игровом зале. Киселева большей частью проигрывала, и местные завсегдатаи удивлялись, когда же у русской графини закончатся деньги. Они не догадывались, что этого просто не могло произойти: Киселева владела с 1851 г. 189 из 1600 акций казино, даже проигрывая, все равно оставаясь в выигрыше [12, с. 79–81].

Среди прусских мест, богатых минеральными источниками, гораздо меньшей популярностью пользовались курорты в Силезии — Вармбрунн и Зальцбрунн, а также Шарлоттенбрунн и др. [19]. Но и здесь появлялись наши соотечественники. Так,

в 1847 г. здесь лечился Белинский [5, с. 190]. Не говоря уже о курортах других немецких земель, даже прошедшие процедуру царского «освящения», как, например, Крейт в баварских Альпах, где лечилась в 1838 г. императрица Александра Федоровна (перед этим она, кстати, была в Зальцбрунне); или австрийский Теплиц, где в то же время проходил лечение после перелома ключицы Николай I [1, с. 377].

Еще меньше интереса у русской публики вызывали курортные места Франции и Италии. Первая в николаевское время всегда была на подозрении в распространении революционной заразы. Вторая в ту эпоху представляла собой европейское захолустье с неразвитой курортной инфраструктурой, к тому же была очагом постоянной политической нестабильности и в силу этих обстоятельств вряд ли могла соперничать с прусскими курортами. Даже Швейцарию, где «на берегах альпийских озер уже давно было тесно от русских теней» [18, с. 15] российские подданные еще слабо воспринимали как место курортного отдыха и лечения. Все это происходило от того, что россияне, да и большинство европейцев, отдавали предпочтение бальнеологическим, а не климатическим курортам. Так что освоение подданными русского царя морских курортов Италии и французского Лазурного берега, а также горных курортов Швейцарии и других стран относится уже к следующей, второй половине XIX в.

Однако начало популяризации, в частности морских курортов, среди русских ведет свой отсчет именно с первой половины XIX в. Вообще, у истоков традиции использования морского побережья для курортного отдыха стояли представители самой продвинутой нации в сфере туризма — англичане. Еще в 1754 г. английский доктор Ричард Рассел обнаружил и обосновал целебные свойства морской воды [8, с. 35]. Его современник король Англии Георг II уже принимал морские ванны на южном берегу островного государства в Брайтоне. После того как в этот городок приехал принц Уэльский, возник фе-

шенебельный курорт, положивший начало новой моде. На побережье началось строительство роскошных вилл английской аристократии. В 1792 г. по инициативе того же Рассела создается первый детский приморский санаторий в Магрите; затем детские курорты появляются в Италии и Франции [8, с. 35]. По очень точному замечанию исследователя туризма Л. П. Воронковой, с XIX в. европейские курорты приобретают облик не столько лечебных комплексов, сколько мест отдыха и туризма [4, с. 161].

Одним из первых приморских курортных местечек, где русские приобщились к «тайнствам» морского купания, стал бельгийский Остенде. Он имел несомненные преимущества перед другими европейскими курортами. Пологий, удобный для купания берег, прекрасный пляж, всего несколько часов поездом от Брюсселя, относительная дешевизна и в то же время присутствие высшего общества, привлеченного сюда ежегодным пребыванием там бельгийской королевской семьи [13, с. 56]. Состоялось и «освящение» курорта членами императорской фамилии — летом 1834 г. здесь прошла курс лечения дочь Николая I, великая княжна Ольга Николаевна, затем на несколько дней к ней присоединилась старшая сестра, Мария Николаевна [1, с. 342]. Это послужило сигналом для русской публики, и с 40-х гг. XIX в. в Остенде появляются первые представители России. Их пока еще очень мало, но зато среди них мы видим Гоголя и Тютчева. Последний один из первых побывал в Остенде, в 1843 г., сопровождая больную жену.

Гоголь попал на курорт летом 1844 г. и пробыл здесь полтора месяца. В 1846 г. он повторил свой визит. Тем временем купания в Остенде все более входили в обычай у русского дворянства. Это констатировал и великий писатель: «Здесь есть несколько русских, с которыми я покамест не успел столкнуться», — сообщал Гоголь в 1846 г., перечисляя ряд имен [13, с. 57]. В конце сезона его посетили там приятели: граф Александр Толстой, братья Мухановы, семья Виельгорских.

Особенно долго пробыл писатель в Остенде в 1847 г.: с 23 июля до конца сентября. Оздоровляющий эффект от морских купаний в этот раз был безнадежно испорчен — именно здесь он прочитал знаменитое письмо Белинского с резкими и горькими упреками за реакционность своих религиозно-нравственных проповедей в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Поэтому писатель особенно обрадовался, когда в августе его старый знакомый Алексей Хомяков, поэт и философ, один из вождей славянофилов, приехал с семьей в Остенде.

Курортная слава города росла. Жуковский в поисках панацеи для своей душевнобольной жены планировал шестинедельный курс лечения на этом курорте в 1850 г., однако по каким-то обстоятельствам эти планы остались неосуществленными. Но и без него количество курортников росло с каждым годом. Судя по спискам приезжих, публикуемым в остендской газете «Фей д'Останд» с 1853 г., ежегодно Остенде посещали несколько сот русских курортников. Это были помещики, придворные, высокие чиновники вплоть до министров, профессора, врачи, богатые дамы. Особенно заметную прослойку среди приезжих именно из России составляли генералы и высшее офицерство. Приезжали чуть ли не из всех стран российских дипломаты. С тех пор как в 1853 г. между Бельгией и Россией были установлены дипломатические отношения на уровне чрезвычайных и полномочных посланников, ежегодно в Остенде отдыхали члены российской миссии в Брюсселе, включая посла, графа Михаила Хрептовича. В списках 1853—1855 гг. мы находим буквально все известные аристократические фамилии Российской империи. Это показательно — ведь шла Крымская война и перечень государств, где подданные царя были бы желанными гостями, значительно сократился. Не случайно к тому времени в Остенде были целых две гостиницы, в названии которых упоминалась Россия: «Court imp rial de Russie» и «H tel de Russie» [13, с. 57–59].

Такова история освоения россиянами европейских курортов в первой половине XIX в. Чем же занимались наши предки во время курортного отдыха, каковы были туристические практики этого времяпрепровождения? Ну, во-первых, это лечение. Мы уже рассказывали в начале статьи примерные нормы потребления внутрь минеральной воды — главного способа медицинской помощи больным. Естественно, наука за сто лет шагнула вперед, накопила богатый априорный материал, вследствие чего появились положительные сдвиги в области курортологии. Снизились нормы потребления воды, врачи стали более дифференцированно подходить к пациентам в рекомендации тех или иных источников в зависимости от диагноза. Расширяется палитра курортных процедур: все чаще, наряду с питьем минеральной воды, применяются купания, души; все большую популярность приобретает грязелечение, при помощи грязи вулканического (фанго) и торфяного происхождения. Активно начинают использоваться лечебные свойства ослиного и козьего молока, кумыса, применяется лечение виноградом. Процедуру последнего описал Гоголь, лечившийся таким образом в швейцарском городке Веве, недалеко от Лозанны. «В этом городе, — писал он в письме матери в сентябре 1836 г., — съезжаются путешественники, и особенно русские, с тем чтобы пользоваться виноградным лечением. Этот способ лечения для вас, верно, покажется странным. Больные едят виноград и ничего больше, кроме винограда. В день съедают по несколько фунтов, соблюдают диету, и после этого виноград, говорят, так делается противен, что смотреть не захочется» [18, с. 552]. Эффективность такого лечения вряд ли была большой, это, скорее всего, была мода, но мода есть мода...

Предпочтение, отдаваемое российской публикой преимущественно прусским курортам в плане лечения, было обусловлено и расширенным списком вообще медицинских услуг, уже напрямую не связанных с целебными источниками. В Висбадене, на-

пример, кроме курортных учреждений были заведения по лечению холодной водой, лечебница для нервных и душевных болезней, приют для слепых. В Ахене — госпиталь Мариагильф, хоспис св. Винцента для неизлечимо больных, Алексеевский дом для умиленных с воспитальным домом для слабоумных детей, Марианинское родовспомогательное заведение [19]. Престиж немецких врачей среди русской публики был необычайно высок. По мнению некоторых исследователей, россияне уверовали в то время в прямо-таки непогрешимость представителей германской медицины [12, с. 79]. Однако и у них часто случались сбои. Например, П. С. Нахимов, доработавшись «наизнос» на флотской службе до критического состояния здоровья, отправился в 1838 г. на воды Эмса и начал активно заниматься лечением. Минеральные источники этого курорта дали будущему адмиралу надежду на восстановление здоровья. Местные врачи посоветовали продолжить курс оздоровления в Карлсбаде. Вот что написал Нахимов о своем лечении здесь: «Меня жгли, резали, несколько дней был на краю гроба, и ничего не принесло облегчения. Теперь у меня сыпь по всему телу, в левом боку продета заволочка. Три месяца должен жить на одном молоке» [9, с. 336]. Весной 1839 г. после неудачной операции сосудов ноги в Гамбурге он неделю находился в «совершенно отчаянном состоянии». А едва оправившись, не рискнул более испытывать «прелести» немецкой медицины и отправился на родину [9, с. 396].

Применение минеральных вод для лечения за сто лет сделало значительное продвижение вперед, но в первой половине XIX в. находилось еще в очень примитивной форме. Недостаточно были изучены побочные эффекты вод целебных источников, противопоказания при определенных заболеваниях. И это даже на продвинутых прусских курортах, не говоря уже о минеральных водах других стран. Например, знакомство с итальянскими «целебными водами» замечательного русского живописца К. П. Брюллова стало для него роковым. Простудившись во время

росписи плафона Исаакиевского собора, художник отправился лечиться на испанский остров Мадейра, что не принесло облегчения. Брюллов перебрался в горячо любимый им Рим, а затем переехал в загородный дом известного гарибальдийца, своего друга Анжело Титтони, так как рядом, в Стильяно, были серно-йодистые источники, на помощь которых художник рассчитывал. Однако они оказались противопоказаны при болезнях сердца, в частности, при аневризме, которым страдал Брюллов. Результат был печален: стараясь вылечиться от ревматизма великий живописец, употребляя длительное время противопоказанную ему минеральную воду, умер от жесточайшего сердечного приступа [10, с. 91, 92].

В противовес бальнеологическим курортам, лечение на климатических курортах при помощи морских купаний было за редчайшим исключением совершенно безопасно. Одним из первых, кто испытал на себе целительную силу морской воды, был едва ли не самый заядлый курортник, много раз упоминавшийся в этой статье, Гоголь. Когда вечно преследовавшие его невроты стали усиливаться, он отправился, как мы писали выше, в Остенде, где прошел курс «морского врачевания». В то время еще не сложилось устойчивое представление о приличии купального костюма, поэтому купание совершалось изолированно от посторонних глаз. Возчик на лошади вталкивал в море «купальный домик» — будочку-раздевалку, через специальное отверстие которой и совершалась эта, совершенно медицинская, в понимании того времени, процедура. Вот первые впечатления от нее великого русского писателя, которыми он делится в письме Жуковскому: «Покамест трудность страшная бороться с холодом воды. Больше одной минуты я не мог высиживать, и ноги сделались холодны на весь день, так что с трудом мог их согреть, хотя ходил много» [13, с. 57]. Это было одним из главных неудобств Остенде, так как Северное море здесь даже в летние месяцы редко прогревалось до 17–18 градусов Цельсия.

Однако оздоравливающий эффект с лихвой превысил все трудности «лечения». Возвращаясь с курорта, Гоголь восторженно писал: «Я без моря не только как без шапки, но как без рубашки, без штанов, без сюртука — словом, без всего» [13, с. 57].

Кроме принятия процедур, у курортников оставалась масса свободного времени, которое необходимо было чем-то заполнить, иначе им грозило душевное состояние, снижающее оздоровительный эффект, называемое банально просто — скука. Вспомним, еще в 1711 г. жаловался на скуку деятельный Петр I, называя Карлсбад «ямой». Через 130 лет то же чувство испытывает на этом курорте Н.П. Огарев [5, с. 525], ему вторит Гоголь — в 1836 г. — из Веве [18, с. 552], а в 1844 г. — из Остенде. Вообще же, в эпистолярном наследии русских курортников первой половины XIX в. слово «скука» встречается сотни раз.

Боролись с этим «злом» обычно самыми неприязнительными способами: много гуляли, музицировали, читали, совершенствовались в иностранных языках. Вот, например, как выглядел курортный быт императрицы Александры Федоровны и ее прусских родственников в Эмсе в 1840 г. в описании великой княгини Ольги Николаевны: «В Эмсе Мама пила воду, а я ослиное молоко. Прогулок по курортному парку я избегала насколько возможно, так как везде за нами следовали любопытные взгляды. Мы совершали прогулки в горах на осликах, откуда спускались к реке Ланн и даже ездили по ней на пароходе. Мы всегда завтракали все вместе. Мама и тетя Луиза писали в своих альбомах, дядя Вильгельм читал газеты и по большей части рисовал.

В обеденную пору, когда Мама брала ванну, Мари с Сашей приходили ко мне. Мы ели землянику, и мой преподаватель по немецкому языку Оертль читал нам... Я много занималась музыкой...

Недели, проведенные в Эмсе, были для меня сплошным восторгом... Вся эта восторженность была вызвана нивами земли Нассауской, берегами Рейна с его замками, раз-

валинами и сказаниями, которые Мама умела так хорошо рассказывать» [1, с. 395, 396].

От скуки отдыхающие, сопровождающие больных родственников, привлекались к курортным процедурам. Например, Тютчев, вывезший в Остенде больную жену и писавший: «Я тоже купался, из одного любопытства и без всякой надобности» [13, с. 56]. Его примеру последовал и Хомяков, который, по его собственному свидетельству, приятно делил время между купанием, шатанием по бесплодным дюнам, пистолетной стрельбой и беседой с русскими приятелями» [13, с. 58]. Определенную часть курортного времени занимали различные экскурсии, но надо отметить, что экскурсионное обслуживание, даже в Европе, еще не получило должного развития. Поэтому экскурсионные поездки чаще всего проводились по инициативе самих курортников. Например, тот же Хомяков во время пребывания в Остенде не отказал себе в удовольствии посетить Англию, поскольку она находилась всего в 30 милях от бельгийского берега [13, с. 58].

Но самой распространенной формой «убить время» на курорте было общение с другими скучающими отдыхающими. Это было и способом получения информации, и предлогом для обзаведения новыми знакомыми, иногда очень важными в дальнейшей жизни, и вообще средством вовлечения русской публики в европейские модные тенденции. Некоторые стремились к этому общению, справедливо считая, учитывая преобладающий великосветский характер местного общества, его неотъемлемой частью курортной жизни. Некоторые пытались быть очень разборчивыми, уклоняясь от случайных контактов. Особенно в этом отличались литературные интеллектуалы. Например, Гоголь писал в 1847 г. из Остенде: «Есть еще несколько русских, но самое главное то, что в Остенде можно никого не видеть, если захотите. Несмотря на маленькое место, занимаемое городом, люди никак не встречаются и не сталкиваются, именно потому, что по причине морского ветра всяк

отворачивает свое лицо в сторону и прикрывает глаза» [13, с. 58]. Его собрат по перу Огарев еще жестче в оценке возможного общения: «В Карлсбаде скучно. Соотечественники никуда не годятся; англичане, которых здесь не счесть, тоже. Филистерство в высшей степени. Я почти ни с кем не знаком» [5, с. 525]. Или еще более резко — в Висбадене после ужина, по его выражению с «русскими дураками»: «Господи, Боже мой! Какие есть на Руси люди — это ужас!» [5, с. 535].

Иногда общение принимало радикальную форму, ставшей затем «классикой жанра» — курортного романа. Они подчас становились предметом всеобщего обсуждения, главной новостью скучной курортной жизни. Так было, например, в случае романа в 1835–1836 гг. в Баден-Бадене неординарной женщины, о которой речь шла выше, А. О. Смирновой-Россет, и дипломата Н. Д. Киселева. Одно то, что влюбленные не скрывали своих чувств, имея собственные семьи, и открыто появлялись на публике, приводило в шок и вызывало бесконечные пересуды респектабельного баденского общества [9, с. 63].

Подчас курортные романы возникали между тяжелобольными, обреченными людьми. Близость смерти придавала этому особую, щемящую остроту, а влюбленным — гораздо большую свободу в изъявлении своих чувств, которую они никогда не посмели бы себе позволить на родине.

Кстати, в России в этот период — первой половины XIX в., намечилось некоторое развитие курортного дела. В 1803 г. правительственным актом было признано значение минеральных вод Северного Кавказа, что можно считать официальным открытием Пятигорска, хотя жилые строения вокруг источника нарзана возникали и раньше. Состоялось возрождение грязелечения в Астраханской губернии и на Крымском полуострове, которое практиковалось здесь еще со времен Золотой Орды. Мусульманское духовенство придавало грязелечению религиозно-культурный характер, в то время как местное население занималось самолече-

нием. В 1828 г. уездный врач из Евпатории научно описал способ грязелечения, который использовали местные муллы.

Кавказские минеральные воды стали основой для развития курортного дела во всей Российской империи. Именно в это время открываются новые лечебные курорты: Старая Русса (1828 г.), Сергиевские минеральные воды в Самарской губернии (1833 г.), Кемери в Прибалтике (1838 г.). Впоследствии они приобрели всемирную известность. Так, фирма Т. Кука рассматривала развитие лечебного туризма в России, как достаточно перспективное дело [4, с. 186, 187].

Переориентации на отечественные курорты способствовали жесткие меры Николая I, который с раздражением относился к массовым выездам своих подданных за границу, не только считая пагубным влияние Западной Европы на россиян, но вследствие значительного оттока серебряных рублей за пределы Российской империи. Несколько раз повышались пошлины на получение заграничных паспортов, постепенно достигнув цифры в 250 рублей за полгода пребывания за границей [18, с. 8]. Вводились возрастные ограничения: с 1844 г., когда М. А. Бакунин отказался вернуться в Россию, за рубеж могли выезжать только лица, достигшие 25-летнего возраста. Иногда вообще вводился мораторий на выезд за границу, так было в 1830 и 1848 гг., когда Европу сотрясали революции. Для ограничения вывоза серебряных денег русским подданным не разрешалось высылать ежемесячно из России более 300 рублей. Правда, лицам, выезжающим на лечение, предоставлялись определенные льготы [5, с. 661].

Казалось бы, те 3–4 тысячи отправляющихся ежегодно за рубеж для поправки здоровья (именно столько было прошений с указанием данной цели) [5, с. 661], в этих условиях и ввиду открытия отечественных курортов могли бы существенно пополнить ряды курортников в собственной стране. Однако с непоколебимым упорством, преодолевая все преграды, используя связи при дворе, они стремились не в Пяти-

горск и Старую Руссу, а в многочисленные немецкие Бады. Разгадка этого явления банально проста: необустроенность, захолустность наших курортов, отсутствие в них элементарных удобств; практически полное отсутствие в России железных дорог, делающее поездку в тот же Баден-Баден менее длительной и более комфортабельной, чем, например, в Пятигорск; а самое главное, бедность, если не сказать больше, нищета предлагаемых туристических практик привели в описываемый период к значительной переориентации русских курортников на европейские места отдыха и лечения.

Все вышеизложенное позволяет подвести следующий неутешительный итог нашего исследования: Россия в первой по-

ловине XIX в. продолжала оставаться отсталой страной не только в плане социально-экономического развития и государственного устройства, но и в плане развития курортного дела.

P. S. Поставив точку в этой статье, я посмотрел в окно своей гостиницы, расположенной на самом берегу Черного моря. Увидел пожилого человека, который, ковыляя по пляжу, усталому острой галькой, с трудом добрался до своего шезлонга. Вспомнил о хамстве менеджера спа-салона моего пятизвездочного отеля (!) (лет 20 назад она называлась просто баншицей), которая заявила, что на их процедуры надо записываться за два месяца. И в голове моей родился крамольный вопрос: а что изменилось в нашей стране за последние 200 лет?

Литература

1. *Боханов А. Н.* Николай I. М., 2008.
2. *Быховская-Иванова Е.* Петр Великий в Карловых Варах (Карлсбад). Прага, 1946.
3. *Вагеманс Э.* Русские в Южных Нидерландах в XVII–XVIII вв. // Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. М., 1995.
4. *Воронцова Л. П.* История туризма и гостеприимства. М., 2004.
5. *Гросул В. Я.* Русское зарубежье в первой половине XIX века. М., 2008.
6. *Гусаков Н. И.* Петр I и медицина (Очерк). М., 1994.
7. *Дриссен Й.* Петр I в Южных Нидерландах // Страна Синей птицы. Русские в Бельгии. М., 1995.
8. *Крючков А. А.* История международного и отечественного туризма. М., 1999.
9. *Миллер С. О.* Эмс и дворяне России. М., 2008.
10. *Нечаев С. Ю.* Русская Италия. М., 2008.
11. *Павленко Н. И.* Петр I. М., 2000.
12. *Пазухин Е., Жаворонкова Е.* Будем делать Баден-Баден. Бытие культурного мифа. Баден-Баден, 2003.
13. *Ронин В.* Между войной и реформами. Русские в Бельгии: 1814–1861 гг. // Страна Синей птицы. М., 1995.
14. *Сивков В. В.* Путешествия русских людей за границу в XVIII в. СПб., 1914.
15. *Травников С. Н.* Путевые заметки петровского времени (проблема историзма): Учеб. пособие. М., 1987.
16. *Усыскин Г. С.* Очерки истории российского туризма. М.–СПб., 2000.
17. *Черкасов-Георгиевский В. Г.* Русский храм на чужбине. М., 2003.
18. *Шишкин М. П.* Русская Швейцария. Литературно-исторический путеводитель. М., 2006.
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронная версия].